

ИСТОРИЯ НАУКИ О ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЦЕНА И ДЕКОНСТРУКЦИИ ПРИРОДЫ

Ю. С. Шипицына

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия*

Статья посвящена проблеме осмысления антропоцена в междисциплинарном пространстве истории науки. Автор предлагает читателю обзор ключевых текстов по истории науки и об экологическом кризисе, среди которых работы Кэролин Мерчант, Бруно Латтура, Лоррейн Дастон, Мишеля Серра, Тимоти Мортон и Донны Харауэй. На примере этих исследований автор показывает, сколь высокую ценность имеет методология и накопленный опыт истории науки. В заключение автор подчеркивает познавательные возможности этого направления в качестве пространства научной рефлексии и поля для диалога о современных вызовах антропоцена и экологических проблемах. Особенное внимание уделяется понятию «природа», его исторической изменчивости и богатству смыслов.

Ключевые слова: антропоцен; экологическое сознание; история науки; Кэролин Мерчант; Бруно Латур; Лоррейн Дастон; Мишель Серр; Тимоти Мортон; Донна Харауэй.

1. Введение

Вопрос о влиянии технологий на окружающую среду – всегда вопрос политический. «История технологий от топоров каменного века до атомных бомб, от долбленых ложек до супертанкеров, от садоводства до генной инженерии – это история все возрастающей способности человека управлять природой», – писал Дэниел Хедрик [10, с. 15]. Идеи власти над природой – знания-власти, ее роли в социальных отношениях, в частности тому, как общество отрефлексирует проблемы влияния технологий на окружающую среду, посвящены исследования многих современных ученых – авторов философии экологизма.

Мостиком между программными манифестами теоретиков экологического активизма и эмпирическими выкладками ученых-экологов становятся исторические исследования генезиса научных знаний и технологий. История науки в современном дискурсивном пространстве, говоря простым языком, много на себя берет. Кризис антропоцена¹ и коллапс экспертного знания в эпоху постистины² подталкивают историков к переосмыслению науки как существующего набора конвенций, оформленного в мировоззрение и одобренного «коллегиальным рецензированием», каким предстает наука в концепции «парадигмы» Томаса Куна, наследниками коей по-прежнему ощущает себя большинство современных ученых [8, с. 17].

Кун не первый и не единственный, кто высказывал идею о революционном характере смены парадигм в науке. Однако он обосновывал этот подход как естественно (и единственно) верный. Широкое принятие точки зрения Куна – следствие высокой популярности его работы «Структура научных революций» (1962), а также ставшего реперной точкой историографии диспута о природе науки с Карлом Поппером, состоявшегося в июле 1965 г. в Лондоне. Любопытные перипетии этого

¹ Антропоцен (англ. anthropocene) – эпоха с высоким уровнем человеческой активности, воздействующей на природу и играющей существенную роль в экосистеме (здесь и далее прим. автора). Подробнее о термине см. работы Брайдотти и Мортон [1, 4, 5].

² Постистина (англ. post-truth) – социальный порядок, для которого характерна приостановка действия традиционной посылки об общей реальности, а значит, и понимания общих условий истины, которые диктуются или создаются волевым актом группы людей (ученых, политиков и др.). Подробнее см. работу Фуллера «Постправда. Знание как борьба за власть» (пер. на рус. яз. в 2021 г., оригинальное издание – 2018 г.) ([9]).

диспута и анализ его последствий изложены в работах Стива Фуллера, одного из ярких представителей социальной эпистемологии [8]. Исторические обстоятельства дисциплинарного становления истории науки – важная, нужная, но все-таки, как это принято говорить, совсем другая история.

Цель данной статьи – показать роль исследований по истории науки в контексте кризиса антропоцена. Выбор исследований, о которых далее пойдет речь, – следствие стремления автора пойти по пути не обобщения, но углубления проблематизации. Охваченные общим беспокойством об изменении видового, правового и морального статуса человека в мире в не меньшей степени, чем последствиями воздействия человека на природный мир, историки, социологи и философы науки объединяются в поиске альтернативных способов взаимодействия человека с окружающей средой и его отношения к знанию об этой среде. И в этом поиске новых подходов они неизбежно обращаются к прошлому науки, реконструируя тот или иной эпизод истории познавательных практик, теорий и методов.

2. Материалы и методы

История науки – междисциплинарное предприятие. Не только потому, что средствами гуманитарной дисциплины (истории) препарируются судьбы естественно-научных и математических дисциплин и академических проектов. Не только потому, что история науки занята поиском решений общенаучных проблем, касающихся методов, институций, этики и др. История науки интегрирована в науку, как и любое другое дисциплинарное направление, и, чтобы иметь право голоса, следует тем же самым стандартам академической культуры. При этом история науки упражняется в острашении собственных практик, чтобы иметь возможность взглянуть на них со стороны, в этой транgressии по отношению к пределам научного дискурса, чтобы его же собственными средствами дать ему описание. В этом смысле история науки (лучшие ее образцы) – и трансдисциплинарное, и наддисциплинарное предприятие. Именно эта черта превращает историю науки в доступное и более или менее подготовленное пространство для диалога об опасностях антропоцентризма и возможностях постгуманистической теории [1], экологическом сознании [4, 5], ситуативном знании [9] и других ценных идеях, призванных эти опасности минимизировать или вовсе предотвратить. Деконструкция понятия «природа» – одна из таких идей. В отношении методологических подходов для истории науки особенно значимы принципы историзма, исследовательской рефлексии, критической теории и интеграции результатов и методов тех наук, которые оказываются в центре внимания историка.

3. Результаты

В работах Кэролин Мерчант, Розы Брайдотти, Лоррейн Дагстон, Донны Харауэй, Тимоти Мортон, Мишеля Серра и Бруно Латура с разных позиций исследуются составляющие антропоцена – такой «биогенетической эпохи», «когда человек стал геологической силой, способной повлиять на всю жизнь на нашей планете» [1, с.17], а само понятие «человек» оказалось разрушено [1, с.18]. Все авторы так или иначе затрагивают проблему семантической трансформации понятия «природа».

Так, Кэролин Мерчант в книге «Смерть природы: женщины, экология и научная революция»³ с точки зрения гендерных проблем рассматривает традиционное для многих обществ и эпох сближение природы и женщины. И латинское *natura*, и греческое *physis* – существительные женского рода. В Средние века и Новое время романские языки перенимают это «женское» словообразование и продолжают традицию персонификации природы как женщины [3, с. 192]. Это «древнее представление о природе как кормящей матери соединяет женскую историю с

³ На рус. яз. переведен фрагмент, опубликованный в журнале «Логос», оригинальное издание – 1980 г.

историей окружающей среды и экологических изменений», и побуждает историка «изучить ценности, ассоциируемые с образами женщин и природы в их связи с формированием современного мира, а также их влияние на наши жизни сегодня» [3, с. 194, 195]. Мерчант особое значение придает «органической космологии», подвергнутой забвению с распространением механистического мировоззрения в эпоху Бэкона, Гарвея и Ньютона.

Пагубность механицизма подчеркивает и французский социолог Бруно Латур. Его проект «философии Геи» остался незавершенным, однако в работах по истории научных практик раскрываются различные грани необходимости пересмотра взаимоотношения человека, общества и государства с природой и неизменно стремление показать, что знание о природе представляет собой социальный конструкт [2, с. 45, 46].

«Механистическое мировоззрение» Латур отсчитывает с момента изобретения галилеевых объектов и планетарного видения, вылившегося в привычку рассматривать издали и словно бы ниоткуда не только движение космических тел, но и все те процессы, что происходят на Земле непосредственно. «Окольный путь через внешнее вводит в понятие “природа” путаницу, которую нам до сих пор не удалось преодолеть.

Если до XVI в. это понятие включало в себя широкую гамму движений, о чем свидетельствует этимологическое значение латинского слова *natura* и греческого *φύσις*, которые можно перевести как генезис, рождение, процесс, ход вещей, – то в дальнейшем употреблении прилагательного “природный” или “естественный” оно все более ограничивалось лишь тем, что предполагает единственный тип движения, тот самый, который можно наблюдать извне. Именно такой смысл приобрело слово “природа” в выражении “наука о природе”» [2, с. 120].

Природа, «созданная» наукой XVII–XVIII вв., выступала мерой множества разнообразных социальных идей. К примеру, идеи естественного права и общественного договора. Эту сцепку социального и природного исследует другой французский ученый, историк и философ науки Мишель Серр в своей работе «Договор с природой»⁴: «Природа сводится к человеческой природе, которая, в свою очередь, сводится либо к истории, либо к разуму. Мир исчезает. Нововременное естественное право отличается от классического именно этим забвением мира <...> Общественный договор прекращал свое действие и замыкался на самом себе, оставляя весь мир с его колоссальным разнообразием вне игры, то есть сведенным к статусу пассивного объекта присвоения. Чем больше человеческого разума – тем меньше природы» [6, с. 80]. Его критическое исследование взаимосвязи знания о природе и норм права призывает пересмотреть привычную логику рассуждения и аргументации о месте человека в мире и последствиях его деятельности. Серр предлагает вариант пересмотра существующей традиции понимания и отношения к природе: «Будучи исключительно социален, наш договор становится смертельно опасен и для продолжения нашего вида, и для его объективного и глобального бессмертия. Что есть природа? Прежде всего это совокупность условий самой человеческой природы, ее глобальных ограничений для возрождения или вымирания, это – гостиница, предоставляющая нам свои номера, хлеб насущный и обогрев, и как только мы начинаем этим злоупотреблять, она их у нас отбирает. Именно она обуславливает человеческую природу, которая теперь в свою очередь обуславливает ее. И природа ведет себя как субъект» [6, с. 81, 82].

Такое перенесение смыслов «природы» на человека: на женщину, разум, общество и обратное присвоение социальных характеристик «природе» получает название натурализации. Отказ от натурализации – первый шаг к осмыслению антропоцена.

Понимая под натурализацией *предметно* – риторическую стратегию «оестествления» и обращения за примерами аргументации социальных феноменов к

⁴ Переведена на рус. яз. в 2022 г., оригинальное издание – 2018 г.

миру природы, *концептуально* – стремление сконструированные положения и понятия представить как самоочевидные и универсальные законы, американский историк науки Лоррейн Дастон вплотную приближается к проблеме исторической изменчивости содержания понятий «природа» и «человек». По мнению Л. Дастон, натурализируя, мы обращаемся к природе не за ответами, а за примерами – иллюстрациями наших собственных умозаключений. Природа выступает доступной и наглядной площадкой для демонстрации рационального.

В работах «Против природы» (англ. *Against nature*) [11] и «Правила: краткая история того, что регулирует нашу жизнь» (англ. *Rules: A Short History of What We Live By*) [12] тон Л. Дастон становится все более критичным, а стремление показать прямую взаимосвязь между историческими приключениями «натуралистического заблуждения» (англ. *naturalistic fallacy*) и проблемами современности – все более настойчивым: «Только используя панорамное видение [исторического контекста. – Ю. Ш.], я смогу заострить противоречия, точно определить переходные моменты и, что всего важнее, задействовать все ресурсы истории, чтобы поставить под сомнение самоочевидность привычных нам современных паттернов мышления. Такое обращение к истории, особенно истории, протяженной во времени, призвано нарушить текущие "безусловности" (англ. *certainties*) и тем самым расширить наше представление о том, что можно помыслить» [12, с. 22].

Английский представитель объектно-ориентированной философии Тимоти Мортон вдохновенно вскрывает агрокультурные смыслы «природы», обращаясь к началу эпохи голоцена и месопотамским цивилизациям Междуречья в поисках оснований утилитарного отношения к окружающему миру [5, с. 63]. Мортон настойчиво призывает отказаться от восприятия природы как «величественных декораций для людских деяний» [4, с. 55]. Используя культурные коды разных исторических эпох, ученый не оставляет попыток донести до своих читателей мысль о необходимости развития «экологического сознания», включения в интеллектуальный дискурс «нелюдей» и культивации солидарности с этим «нечеловеческим народом», от которого напрямую зависит будущее человека. «Превосходство существования представляет собой базовую онтологию, базовый утилитаризм, и еще до того, как философия приступила к его формализации, оно уже было встроено в социальное пространство, которое сегодня охватило собой почти всю поверхность Земли. <...> Какое-то время назад люди порвали свои социальные, философские и психические связи с нелюдью. В каждом из аспектов нашего существования мы уперлись в голую стену», – в своей оценке антропоцентризма философ и филолог Мортон не оставляет попыток отыскать такие языковые средства и образные категории, которые помогут не агрессивно, но действенно донести до нашего антропоцентричного сознания сухие факты вроде того, что человечество живет в эпоху шестого массового вымирания [5, с. 64].

Американская экофеминистка и антрополог Донна Харауэй предлагает альтернативный антропоцену термин «хтулуцен» [9, с. 18]. Подход Харауэй во многом созвучен идеям Мортон – она делает акцент на симбиотических отношениях внутри сети взаимосвязей между живыми организмами, а также подчеркивает ризоматический (разветвленный, нелинейный) характер знания и исторического процесса. Харауэй призывает «заводить сородичей», создавать новые системы родства и преодолевать видовые границы «сосуществуя-с» с «видами-компаньонами» – категорией, которая помогает «отказаться от идеи человеческой исключительности, не впадая в постгуманизм» [9, с. 31]. Харауэй предлагает своего рода манифест нового нарратива о человеке и природе: «(2) Человек как биологический вид не создает историю. (3) Комплекс "человек + инструмент" не создает историю. А именно так рассказывают Историю сторонники человеческой исключительности. (4) Эта История должна уступить место геоисториям, повествованиям Геи, симхтоническим историям; земляне живут и умирают сетевым, переплетенным и тентакулярным образом в симпозиционных многовидовых веревочных узорах...» [9, с. 73, 74]. Харауэй также является автором

подхода «ситуативных знаний», суть которого сводится к включению в историко-научный дискурс самых разных вариантов локализованного знания, отброшенных в свое время непреклонной избирательностью «объективного» и «отстраненного» наблюдения.

4. Обсуждение

Обращение историков науки к таким проблемам современности, как экологические угрозы и социальные заблуждения на их счет – не просто дань принципу актуальности. Во многом это следствие тонко настроенной способности к рефлексии, ведь «расследование» истории науки ведется с позиций самой же науки: сколько бы ни был удален во времени интересующий нас сюжет, мы не можем не задаваться вопросом, какую роль он сыграл в той цепи событий, что привела к текущему состоянию. При этом как бы скептически мы ни были настроены по отношению к настоящему и какие бы неутешительные прогнозы ни строили по поводу будущего, цель никогда не заключается в том, чтобы развенчать и низвергнуть науку как общественный институт, скорее, через расширение представления о ее прошлом, обнаружение и осмысление альтернативных содержаний таких понятий, как «природа» и «человек», и оригинальных траекторий становления сообществ и институтов, нетрадиционных поведенческих паттернов подвергнуть таким образом деконструкции сложившийся метанарратив науки. В каком-то смысле такой подход – вариант применения принципа «фальсифицируемости» К. Поппера, который, в противовес Куну, говорил не о преемственности революций, складывающихся в научную картину мира, а о перманентной революции науки в условиях открытого общества, когда наука не просто «засвидетельствует» мир и выносит в его отношении экспертные суждения, но прозрачным и прямым образом участвует в его преобразовании [7]. Колоссальное количество не только историков, философов и социологов науки сегодня руководствуется этим принципом. Отсюда – многообразие и пестрота всплывающих на поверхность публичного доступа сюжетов, которые долгое время оставались внутренним делом профессиональной корпорации. Сегодня нет нужды цепляться за панегирическую традицию истории науки. В отношении состояния научного знания мы просто не имеем права не заметить, что «так сложилось исторически». Ученому абсолютно любой специализации следует задаваться вопросом, как и почему сложились именно те механизмы производства и артикуляции научного знания, в рамках которых он трудится, и, возможно, вдохновляясь примерами прошлого (и упомянутыми выше радикальными подходами к изучению знания настоящего), отваживаться на поиски альтернатив. В этом смысле история науки обладает столь же огромным освобождающим потенциалом для человеческого сознания, какой несут самые поразительные открытия в области астрофизики, геологии или промышленной экологии. История науки – пространство для честного диалога и рефлексии о мире, «который состоит почти что целиком не из нас» [5, с. 65].

5. Выводы

Предлагая вниманию читателя данный обзор трудов современных зарубежных исследователей, мы стремились прежде всего показать, какими дискурсивными возможностями обладает история науки для всех интересующихся проблемами антропоцена, экологии и научной эффективности – не только для историков или представителей конкретной области знания, любопытствующих об истоках их дисциплины. История научного знания дает нам образцы не только преемственности, но и противоречивости и смысловых разрывов в познании природы. Приведенные варианты трактовки понятия «природа» подтверждают этот тезис.

Работы Дастон, Латура, Мерчант, Мортон, Серра и Харауэй – яркие примеры критической теории в отношении круга проблем взаимодействия человека и природы.

Все они по-разному расставляют акценты, привлекая внимание к различным аспектам проявления антропоцентричного сознания, диктующего утилитарное отношение к среде и населяющим ее видам. Все они предлагают оригинальные подходы к решению проблемы антропоцена: отказ от натурализации и выстраивание принципиально новых межвидовых отношений (на принципах солидарности и родства), создание этической и правовой нормативности, учитывающей интересы не только человека, и переосмысление понятия «человек» в целом.

Все упомянутые нами работы опираются в своем анализе и творческой интенции на историко-научные изыскания. Обращение к прошлому не только ради риторики, но с целью поиска альтернативных (отринутых или забытых) путей развития знания, которые могут оказаться востребованными теперь, – такова общая черта описанных нами трудов.

История науки сегодня больше не панегирическая летопись имен и открытий. Оставаясь по-прежнему способом нарративизации столкновений знания и власти, история науки все чаще выступает для исследователей как источник вдохновения, как поле для пристального рассмотрения допущенных ошибок и, пожалуй, самое главное – как междисциплинарное пространство для коммуникации.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

7. Список литературы

1. *Брайдотти, Р.* Постчеловек / Р. Брайдотти; пер. с англ. Дианы Хамис. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
2. *Латур, Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Б. Латур. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2019. – 202 с.
3. *Мерчант, К.* Смерть природы: производство, воспроизводство и женское / К. Мерчант // Логос. – 2022. – Т. 32, № 1. – С. 191–222.
4. *Мортон, Т.* Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом / Т. Мортон; пер. с англ. Елены Бондал. – М. : Издательство Института Гайдара, 2022.
5. *Мортон, Т.* Статья экологичным / Т. Мортон; пер. с англ. Дмитрия Кралечкина. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2022. – 200 с.
6. *Серр, М.* Договор с природой / М. Серр; пер. с фр. Сергея Рындина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 222 с.
7. *Фуллер, С.* Кун против Поппера / С. Фуллер; пер. с англ. В. В. Целищева – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 272 с.
8. *Фуллер, С.* Постправда: знание как борьба за власть / С. Фуллер; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.
9. *Харауэй, Д.* Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / Д. Харауэй; пер. с англ. А. Писарева, Д. Хамис и П. Хановой. – Пермь : Гиле Пресс, 2020. – 340 с.
10. *Хедрик, Д.* Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней / Д. Хедрик. – М. : Издательский дом ДЕЛО, 2021. – 560 с.
11. *Daston, L.* Against nature / L. Daston. – Cambridge, MA : MIT Press, 2019. – 96 p.
12. *Daston, L.* Rules: Short History, What We Live By/ L. Daston. – Princeton, Oxford: Princeton University press, 2022. – 359 p.

Сведения об авторах:

Шипицына Юлия Сергеевна, ассистент кафедры зарубежного регионоведения УрФУ, г. Екатеринбург, Россия. Эл. почта: shipitsyna.phd@gmail.com.

HISTORY OF SCIENCE ABOUT THE PROBLEM OF ANTHROPOCENE AND DECONSTRUCTION OF NATURE

Yu. S. Shipitsyna

Ural Federal university, Ekaterinburg, Russia

The article deals with the problem of rethinking anthropocene in the multidisciplinary space of history of science. The author suggests the observation of key texts about history, science and ecological crisis, among there are works of Caroline Merchant, Bruno Latour, Lorrein Daston, Michel Serres, Timothy Morton and Donna Haraway. Through the examples of their researches the author shows the high value of methodology and experience of history of science. To conclude the author highlights the cognitive opportunities of this discipline as field of scientific reflection and space for dialogue about contemporary dares of anthropocene and ecological problems. The special attention is paid the term nature, its historical variability and richness of senses.

Key words: anthropocene, nature, ecological consciousness, history of science, Caroline Merchant, Bruno Latour, Lorrein Daston, Michel Serres, Timothy Morton, Donna Haraway.

References

1. *Braidotti, R. (2021) Postchelovek [The Posthuman]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.*
2. *Haraway, D. (2020). Ostavaias' so smutoj: Zavodit' sorodichej v Htulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene] (A. A. Pisarev, D. Ya. Khamis, & P. A. Hanova, Trans.). Perm: Gile Press.*
3. *Headrick, D. (2021) Vlast nad narodami. Tekhnologii, priroda i zapadnyj imperialism s 1400 goda do nashih dnei [Power over Peoples. Technology, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present]. Moscow: Izdatelskij dom Delo*
4. *Daston, L. (2019) Against Nature. Cambridge, MA: MIT Press.*
5. *Daston, L. (2022) Rules: Short History, What We Live By. Princeton, Oxford: Princeton University press.*
6. *Fuller, S. (2020) Kun protiv Poppera [Kuhn vs. Popper. The struggle for the soul of science]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitaciya"*
7. *Fuller, S. (2021) Postpravda: znanie kak borba za vlast [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Moscow: Izd. Dom Vysshej shkoly ehkonomiki.*
8. *Latour, B. (2019) Gde prizemlit'sja? Opyt politicheskoj orientacii [Ou Atterir? Commen S'Orientir en Politique] (A. Shestakov, Trans.). St Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.*
9. *Merchant, C. (2022) Smert prirody: proizvodstvo, vosproizvodstvo i zhenskoe [The Death of Nature: Production, Reproduction, And the Female] // Logos. Vol. 32. № 1. P. 191–222.*
10. *Morton, T. (2022) Rod chelovecheskij. Solidarnost's nechelovecheskim narodom [Humankind. Solidarity with Nonhuman People]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.*
11. *Morton, T. (2022) Stat ehkologichnym [Being ecological]. Moscow: Ad Marginem Press.*
12. *Serres, M. (2022) Dogovor s prirodoj [Le contrat naturel]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.*